

Р. Ф. Галиев*

НАСЛЕДИЕ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В НЕОФИЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ ЛЕНИНГРАДА**

Статья*** посвящена феномену «культурного возвращенчества» русской эмиграции 1920–1930-х гг. До эпохи Перестройки советские люди познакомились с наследием русского зарубежья (поэзия, проза, публицистика, изобразительное искусство, философия), как правило, в формате самиздата. Поэтому культура русского зарубежья оказала существенное влияние на творческую среду «андеграунда» середины 1950 — начала 1980-х гг. На ленинградском/петербургском материале показаны основные пути распространения произведений эмигрантов, а также их влияние на творческую интеллигенцию в позднесоветский период. На материалах «устной истории» и самиздатовской периодики Ленинграда делается вывод о формировании и развитии читательской культуры в отношении произведений эмигрантов первой трети XX в.

Ключевые слова: «культурное возвращенчество», эмиграция, реэмиграция, самиздат, ленинградский «андеграунд», русская литература, искусство русского зарубежья, история чтения, устная история.

---

* Галиев Радмир Фадисович — студент, galiev.radmir.2003@mail.ru, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.

Radmir F. Galiev — student, galiev.radmir.2003@mail.ru, the Institute of History, Saint Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya Naberezhnaya, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation.

** Статья написана при поддержке Фонда наследия русского зарубежья в рамках проекта «Возвращение Одиссея: Наследие русской эмиграции в интеллектуальной и художественной жизни Ленинграда середины 1950-х — 1980-х годов» (Договор № 342/Г).

The article was written with the support of the Russian Emigration Heritage Foundation as part of the project “The Return of Odysseus: The Legacy of Russian Emigration in the Intellectual and Artistic Life of Leningrad in the Mid-1950s to the 1980s” (Contract No. 342/G).

*** Выражаю благодарность О. Б. Сокуровой, Е. В. Петрову, Л. К. Рябовой за помощь, ценные советы и замечания в работе над статьей.

R. F. Galiev
THE LEGACY OF RUSSIAN EMIGRATION
IN THE UNOFFICIAL CULTURE OF LENINGRAD

The article is devoted to the phenomenon of “cultural return” of Russian emigration in the 1920s and 1930s. Before the era of Perestroika, Soviet people got acquainted with the heritage of the Russian diaspora (poetry, prose, journalism, fine art, philosophy), as a rule, in the samizdat format. Therefore, the culture of the Russian diaspora had a significant impact on the creative environment of the “underground” in the mid-1950s and early 1980s. The Leningrad/St. Petersburg material shows the main ways of distributing the works of emigrants, as well as their influence on the creative intelligentsia in the late Soviet period. Based on the materials of the “oral history” and the Samizdat periodicals of Leningrad, a conclusion is drawn about the formation and development of a reader’s culture in relation to the works of emigrants of the first third of the 20th century.

Keywords: “cultural return”, emigration, re-emigration, samizdat, Leningrad “underground”, Russian literature, art of the Russian diaspora, history of reading, oral history.

«Настанет время, когда будущий историк
перелистает наши газеты и журналы»

В. Ф. Ходасевич [30, с. 147].

Эпиграф к данной статье ярко иллюстрирует настроение, сложившееся в кругах русской эмиграции в 1920-х гг.: пассажиры «Философского парохода» (1922) не раз думали вернуться в Россию не только в физическом смысле, но и в духовном, надеясь, что их наследие получит отклик среди соотечественников на исторической родине. Поэтому вопросы «возвращенчества» становились предметом исследований эмигрантоведов З. С. Бочаровой [6], И. В. Петрова [24], С. Г. Харина [29], В. А. Перцева [23], И. Броуде [7] и других авторов. Однако о «культурном возвращенчестве» («культурной реэмиграции» или «реэмиграции культуры») написано не так много. В качестве примера перечислим работы П. Н. Базанова [3], Л. П. Муромцевой [18], Е. Н. Проскуриной [25], Т. Н. Левоу [15] и других историков. Отметим, что в отечественной историографии сложился целый пласт исследований, посвященных жизни и творчеству отдельных представителей эмиграции, особенностям их адаптации к условиям жизни за границей, а также функционированию социокультурных центров и институтов за рубежом. На фоне этого постепенно формировалось представление об отдельной культуре «первой волны» эмиграции, аккумулировавшей традиции и эстетику эпохи Серебряного века [1; 2].

По справедливому замечанию петербургского историка А. В. Блюма, в СССР по идеологическим причинам «из читательского обихода “метрополии” были вычеркнуты книги и имена крупнейших писателей, творческий путь которых продолжался или начинался в эмиграции» [5, с. 97]. Таким образом, исходя из позиции ученого, был искусственно создан «водораздел» между так называемыми советской (официальной) и эмигрантской культурами. Как в пу-

---

* Под данными терминами мы предлагаем подразумевать процесс возвращения художественного и интеллектуального наследия, а также архивов, музеев и библиотек русского зарубежья на историческую Родину, включающее публикацию и продвижение творчества русских эмигрантов.

блицистике, так и в исследовательском поле долгое время складывалось мнение, что это два отдельных явления или *два пути русской культуры*, связанных, но не тождественных друг другу [22, с. 66–74]. Выглядят пессимистичными оценки современных исследователей о сложившемся культурном процессе прошлого столетия:

«В изгнание ушли целые направления отечественной философии, науки и культуры <...>. Те лакуны, что образовались уже в советской науке и культуре в связи с эмиграцией ее носителей, так и остались незаполненными» [22, с. 73].

Аналогичная оценка прозвучала в 2021 г. на конференции по позднесоветской истории «Ветер Перестройки» в Санкт-Петербурге. Г. А. Бегларян, изучавший феномен «возвращенной» литературы, так охарактеризовал культурную историю:

«О разделении литератур имеет смысл говорить только в случае их действительного несообщения, ситуации изоляции, в которую всё более погружалась советская культура в первые три десятилетия своего существования...» [4, с. 155].

Основной тезис, который выдвигается в настоящее время исследователями, это то, что до Перестройки эмигранты не имели своих читателей на исторической Родине, а так называемое триединство «неофициальной», официальной, эмигрантской культуры произошло лишь в 1980-е гг.

Однако, несмотря на официальные запреты, факты свидетельствуют о том, что с 1917 г. по 1991 г. контакты между зарубежными и советскими деятелями искусства и науки в той или иной форме продолжали существовать, а к концу этого периода интенсивно развивались, и знакомство с наследием русского зарубежья на Родине происходило непрерывно, и именно оно, как ни парадоксально, оказывало влияние на творчество ряда деятелей культуры. Неудивительно, что уже современниками этих процессов предпринимались попытки осознать *единство* русской культуры. Так, в апреле 1978 г. на базе Швейцарской академии славистики и факультета словесности Женевского университета была организована конференция «Одна или две литературы?», участие в которой приняли зарубежные слависты и представители «третьей волны» эмиграции [20]. Известный литературовед и переводчик Ефим Григорьевич Эткинд (1918–1999) на одном из обсуждений отметил:

«Политический произвол разверз пропасть между Востоком и Западом, метрополией и эмиграцией <...> Эта пропасть, оказалась не настолько глубокой, чтобы по обе ее стороны появились чуждые друг другу художественные системы, разные литературные языки. <...> Всякий раз обнаруживалось, что место “реабилитированного” писателя никем не занято и *ждет его возвращения* (здесь и далее курсив мой. — Р. Г.)» [20, с. 29].

Иными словами, деятели культуры и науки сами понимали необходимость и целесообразность такого «возвращенчества». В связи с этим открытыми остаются вопросы о том, как и где распространялось наследие русского зарубежья, какое оно оказало влияние на художественную интеллигенцию на исто-

рической Родине, какие были причины и последствия распространения (полу) запрещенной эмигрантской литературы в СССР и каковы были его масштабы?

Цель настоящей работы заключается в попытке ответить на эти вопросы, показать на ленинградском/петербургском материале процесс возвращения творчества русской эмиграции в СССР от «оттепели» до «перестройки». Выбранный нами период (середина 1950-х — начало 1980-х гг.) иллюстрирует смену культурно-идеологической парадигмы, формирование и бурный рост неконформистского движения в СССР, новые пути развития науки и искусства (эпоха «физиков и лириков»), обострение социально-культурных противоречий, выразившихся в инакомыслии и «внутренней эмиграции» советской интеллигенции.

На этом фоне в научных и художественных кругах нередко возникал интерес к «полузапрещенной» литературе. Интенсивное знакомство с литературой русского зарубежья в позднесоветский период происходило, в частности, в университетской среде. Одной из публичных форм знакомства с деятельностью русских писателей в период эмиграции были диспуты. Например, 26 ноября 1955 г. в стенах филологического факультета Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова (ЛГУ) состоялась встреча с писателем Леонидом Ильичом Борисовым (1892–1972), лично знавшим И. А. Бунина, А. И. Куприна, И. Северянина. Как вспоминает бывший в то время студентом Михаил Михайлович Красильников* (1933–1996), «филологи, битком набившиеся в аудитории, столь падкие на сенсацию <...> были смущены» [28, с. 178]. В середине 1960-х гг. в ЛГУ им. А. А. Жданова был приглашен упомянутый Е. Г. Эткинд. Обратимся к воспоминаниям современной петербургской поэтессы Тамары Симоновны Буковской (род. 1947):

«Однажды университет позволил себе вольность и пригласил для ведения семинара Ефима Григорьевича Эткинда. И это было незабываемые несколько лекций. Потом, правда, университет опомнился и расторг контракт с Ефимом Григорьевичем Эткиндом. Но то, что говорил и как говорил Ефим Григорьевич Эткинд, и [про] В. Ф. Ходасевича, и [про] фрагменты мемуаров Н. Н. Берберовой, которые тогда еще широко не были перепечатаны и в Россию «не ходили», а были только несколько глав известны. Это было очень важно» [11].

Действительно, Е. Г. Эткинд был одним из немногих советских литературоведов, кто популяризировал творчество В. Ф. Ходасевича, проживавшего в 1930-е гг. во Франции. Е. Г. Эткинд даже пытался включить его имя в 1964 г. в советскую антологию переводчиков. Однако, как он заметил в своих мемуарах, ответ редактора из издательства был следующим: «Пусть лучше мы получим десяток-другой читательских жалоб, чем опубликуем эмигранта Ходасевича» [33, с. 263].

В. Ф. Ходасевич — один из знаковых авторов, как для представителей «андеграунда», так и для печатавшихся литераторов. В 1981–1983 гг. усилиями писателя Юрия Иосифовича Колкера (род. 1946) готовилось к выходу собрание

---

* Один из поэтов так называемой «филологической школы», испытавшей влияние авангарда начала XX в., в особенности футуризма и поэзии «обэриутов».

сочинений В. Ф. Ходасевича, отдельные фрагменты которого также ходили «по рукам». В мае 1981 г. на квартире состоялась конференция*, посвященная 95-летию поэта-эмигранта [26, с. 509], а в журнале «Часы» была опубликована расширенная статья. В этой статье, реконструируя биографию В. Ф. Ходасевича, Ю. И. Колкер обращается к опубликованным в Мюнхене мемуарам Н. Н. Берберовой, последней жены В. Ф. Ходасевича. Этот текст, начиная с 1960-х гг., распространялся в широких кругах не без участия Е. Г. Эткинда.

Еще одним крупным ученым-универсалом, ставшим Вергилием в мир эмигрантской литературы, был Дмитрий Евгеньевич Максимов (1904–1987). В рамках созданного и возглавляемого им «Блоковского семинара», известного как в академическом сообществе, так и в неофициальной культуре «оттепельной» и брежневской эпохи, проходило знакомство с недоступными тогда авторами Серебряного века и русского зарубежья [12, с. 25]. Семинар возобновил после войны свою активную работу в конце 1950-х гг. и просуществовал до 1975 г. В программе литературоведческих курсов Максимова можно найти имена Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, Вяч. И. Иванова, К. Д. Бальмонта [21, л. 17]. Стихи и воспоминания самого Д. Е. Максимова публиковались в «тамиздате» и самиздате. Конечно, открыто изучать творчество *символистов*, уехавших в эмиграцию, еще не разрешалось, однако руководитель «Блоковского семинара» заложил основы знакомства с их наследием. Обратимся к интервью современного петербургского литературоведа Татьяны Львовны Никольской (род. 1945), участницы семинара:

«Я хотела написать диплом на тему: “Античность в раннем творчестве Вячеслава Иванова”. А мне сразу же Дмитрий Евгеньевич сказал, что эту тему никакая кафедра не утвердит, потому что Вячеслав Иванов уехал за границу» [16].

Но, несмотря ни на что, именно этот семинар стал «заповедной зоной» знакомства с эмигрантской литературой.

Анализируя материалы «устной истории», обратим внимание на различные способы «добывания» и освоения художественной литературы. Например, упомянутая Т. С. Буковская (род. 1947), работавшая в университетской библиотеке (сегодня — Научная библиотека им. М. Горького СПбГУ), вспоминала в одном из интервью:

«Был спецхран, который иногда нужно было инвентаризировать, и молодых, конечно, привлекали. Я помню, как я оказалась в качестве сотрудника инвентаризационной комиссии в этом хранилище книг, которые и так были недоступны, а тебе по дружбе могли дать на ночь почитать. Я увидела шеститомное собрание сочинений Е. И. Замятина...» [11].

В самиздатовских журналах Ленинграда распространялись не только переводы и оригинальные сочинения, но и литературоведческие работы многих писателей русского зарубежья. Например, читатели могли познакомиться

---

* Такого рода «неофициальные конференции» на квартирах были популярны в культурной среде позднесоветского Ленинграда. В энциклопедии по истории самиздата приведены наиболее известные встречи, на которых обсуждали творчество эмигрантов [26].

с творчеством В. В. Набокова [19], с переводами его критических статей и фрагментов романов. В 1960–1970-е гг. «по рукам» ходили его воспоминания «Другие берега», а также роман «Дар» и ряд других произведений [5, с. 100]. В журнале «Молчание» (1982–1983) публиковались недоступные в СССР стихи Г. В. Иванова, М. И. Цветаевой, В. Ф. Ходасевича. Их издавали будущие основатели знаменитого в годы Перестройки «Митинского журнала» [26, с. 430].

Можно выделить две формы распространения творчества писателей-эмигрантов в самиздате — прямой и косвенный. В первом случае подразумевается публикация отрывков произведений писателей, второй — уже представление текстов в фокусе литературной критики.

Если говорить про официальную печать, то частично произведения авторов публиковались. Например, в 1956 г. усилиями советского писателя Льва Вениаминовича Никулина (1891–1967) вышло собрание сочинение И. А. Бунина, фрагментарно печатались реэмигранты А. И. Куприн и М. И. Цветаева, усилиями Ильи Самойловича Зильберштейна (1905–1988) и «Литературного наследства» передавались архивы русского зарубежья, сам издатель вел переписку с видными деятелями русской эмиграции. В 1968 г. петербургский писатель Андрей Юрьевич Арьев (род. 1940) подготовил сценарий к фильму об И. А. Бунине, но киностудия отказалась готовить фильм к юбилею «белоэмигранта» [5, с. 100]. Были и случаи публикаций эмигрантов в провинциальной и национальной периодике в 1960–1970-е гг. Об одном таком случае писал А. В. Блюм:

«Посылались из Ленинграда небольшие заметки к юбилею Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, В. Ф. Ходасевича. Писалось о них в самых возвышенных тонах, а главное — к месту и не к месту обильно цитировались их стихи...». [5, с. 221].

Это не единственный случай «обхода» цензуры, однако массово печатать творчество писателей русского зарубежья еще не было возможно.

В стенах Союза писателей СССР проходили обсуждения возможности публикации произведений эмигрантов. Так, в одном из писем ленинградским властям советский литературовед Юрий Андреевич Андреев (1930–2009) заметил, что издание произведений А. М. Ремизова в 1978 г. «не привлекло особого внимания» [32, л. 3], подразумеваемая идеологический контекст. Однако широко эмигранты и писатели Серебряного века еще не издавались.

Можно выделить два контекста «культурного возвращения» — официальный и неофициальный. В первом случае, как показано выше, начиная с эпохи «оттепели» шла выборочная публикация произведений «возвращенных» авторов, например, И. А. Бунина, А. И. Куприна, С. Черного и др. Неофициальный контекст связан с теми авторами, чье творчество не имело возможности быть опубликованным до середины 1980-х гг. Такой подход касается, в целом, литературы Серебряного века, поэтому долгое время часть произведений писателей русского зарубежья оставались в пантеоне «запрещенных».

Отличительной чертой знакомства с наследием русского зарубежья как с «неподцензурной» литературой было то, что тексты привозились извне. С многими писателями Серебряного века, недоступными массово советскому читателю, можно было знакомиться в специальном хранилище библиотек. Иосиф Александрович Бродский (1944–1996), работавший два месяца 1961 г.

лаборантом на кафедре кристаллографии геологического факультета ЛГУ, в одном из интервью отмечал:

«Рабочий день в университете начинался в девять утра. Я туда приходил к десяти — потому что в десять открывалась библиотека. В эту библиотеку я записался на второй день по поступлении на работу. И поскольку я числился сотрудником, а не студентом, у меня было более выигрышное право доступа к книгам. Я их там массу брал. И, в частности, взял О. Э. Мандельштама...» [10, с. 225].

Иначе обстояло с эмигрантской литературой, которую привозили либо «дипломатическими коридорами», либо распространяли поштучно. В качестве примера обратимся к интервью Т. С. Буковской:

«Я помню, как приехал замечательный Саша Величанский*, поэт прекрасный, московский, привез нам на ночь почитать “Дар” В. В. Набокова. Ему кто-то привез “Дар”, не перепечатанный, не машинописный, и мы читали — одну страницу переворачивает один, другой читает...» [11].

Как реагировали власти на распространение художественной литературы такого рода? Например, в 1978 г. у поэта Игоря Николаевича Бурихина (род. 1943) были изъяты книги Н. А. Бердяева, М. И. Цветаевой, В. Ф. Ходасевича и других запрещенных авторов [5, с. 90]. По схожим обстоятельствам было заведено дело и на филолога Константина Марковича Азадовского (род. 1941) [5, с. 101]. Аналогичное дело было связано с Михаилом Борисовичем Мейлахом (род. 1944), которого обвиняли ««в антисоветской агитации и пропаганде в форме хранения и распространения книг, изданных на Западе» [17, с. 173–185]. Таким образом, власть в лице КГБ старалась изымать книги и бороться с распространением литературы.

Особое место в неофициальной культуре занимала религиозно-философская мысль русского зарубежья. Популярный в неофициальных кругах Ленинграда семинар Т. М. Горичевой (род. 1947) и В. Б. Кривулина (1944–2001), главных издателей журнала «37», стал одной из площадок, где обсуждались тексты Л. И. Шестова, Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, о. Антония (Сурожского). Здесь изучались и обсуждались также произведения Отцов Церкви, хранившиеся в отделе редкой книги Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне Российская национальная библиотека. — *Р. Г.*). Как правило, книги религиозно-философского содержания привозили в штучных экземплярах с Запада для «личного ознакомления», но затем эти тексты переводили и перепечатывали для распространения в самиздате [12, с. 48].

Первые советские издания книг философов русского зарубежья вышли лишь в 1980-е гг., поэтому для слушателей семинара — поэтов, писателей, людей из академической среды — обращение к текстам на религиозную тематику было некоторым открытием. Обратимся к воспоминаниям Т. М. Горичевой: «Эти люди [философы] были близки нам, мы как будто нашли не только знакомое, но бесконечно более высокое и духовно зрелое, что было для нас непререкаемым церковным авторитетом...» [13, с. 61].

---

* Александр Леонидович Величанский (1940–1990) — советский поэт и переводчик.

Как известно, именно в 1960–1980-х гг. шел активный процесс так называемого «религиозного ренессанса», возросшего в интеллектуальной и творческой среде интереса к христианству и восточным религиям. Поэтому работа семинара в каком-то смысле обеспечивала трансфер идей русской религиозной философии в СССР.

В рамках семинара происходило обсуждение различных вопросов христианского вероучения, анализ богословских текстов, велись дискуссии о современной культуре. Доклады, озвученные на семинарах, печатались в журнале «37» (1976–1981). Анализ содержания журнала показывает влияние русской религиозной мысли, активно развивавшейся в 1920–1930-е гг. за рубежом.

Распространяли произведения философов и писателей русской эмиграции «первой волны» участники семинара под руководством математика Сергея Юрьевича Маслова (1939–1982). В 1979 г. они начали выпускать реферативный журнал «Сумма», инициатива издания принадлежала самому С. Ю. Маслову. В журнале были представлены краткие или критические обзоры тех или иных произведений художественной и публицистической литературы. Как объясняет математик Анатолий Моисеевич Вершик (1933–2024),

«... в 70-х годах у многих возникало желание поделиться всем новым знанием, рассказать обо всем тем, кто не имеет прямого доступа к неподцензурной литературе, поспорить с некоторыми авторами самиздата, высказать свое мнение...» [9, с. 20].

Читатели «Суммы» могли познакомиться и с содержанием других машинописных журналов, выпускаемых участниками семинара («Часы», «37», «Женщины и Россия»), где выходили тексты Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, В. В. Набокова. Однако работа семинара и выпуск журнала прекратились с трагической гибелью С. Ю. Маслова в 1982 г.

Сложнее обстояло дело с изобразительным искусством. Если тексты можно было «переправить» на Родину, то картины — нет. Тем не менее, с эмигрантским изобразительным искусством знакомились через каталоги выставок, биографические словари, книги зарубежных искусствоведов, мемуарную литературу. Различная информация о живописцах русского зарубежья была отражена в самиздате. Так, искусствоведы Дмитрий Яковлевич Северюхин (род. 1954) и Олег Леонидович Лейкинд (род. 1953) в конце 1970-х гг. подготовили серию биографических очерков о художниках и опубликовали их в журнале «Часы» под псевдонимами В. Буль и Ф. Жаков [8]. Лишь в 1994 г. эти очерки вышли отдельной книгой [31]. Обратим внимание на слова из предисловия петербургского писателя и историка Александра Валерьевича Кобака (род. 1952) к данному изданию: «Неофициалы тех лет полуподпольно открывали для себя русскую эмиграцию — прозу Набокова и философию Лосского, поэзию Ходасевича и живопись Кандинского» [31, с. 3].

Очевидно, что развитие культуры в XX в. нельзя рассматривать в рассеянном направлении. Интересным кажется рассмотрение русской литературы прошлого столетия через призму *канона*. Современный петербургский филолог И. Н. Сухих так характеризует новейшую литературу:

«Она [русская литература] существовала также в разных контекстах и на разных этажах (официоз и официальная оппозиция, советская и эмигрантская, подцензурная и сам/тамиздат <...> Каноническая версия литературы первой половины XX в. практически сложилась...» [27, с. 331.]

Сам литературовед нередко высказывался о том, что следует рассматривать эмигрантскую и советскую литературу в едином культурном поле. Аналогично рассматривал отечественную культуру XX в. немецкий славист В. Козак [14]. Еще в 1970–1980-е гг., работая над своим монументальным трудом, он обратил внимание на невозможность рассмотрения русской литературы в отрыве от контекстов эпохи: «Как профессор Кёльнского университета — пишет в предисловии ученый, — я считал своей необходимостью <...> не обеднять русскую литературу, а представить ее во всей *цельности*...» [14, с. 8]. Лексикон, составленный русистом, является одним из первых обобщающих трудов по деятелям и творческим направлениям, развивавшихся как в официальной культуре, так и в эмиграции. Отметим, что в доперестроечной литературной критике и в целом в гуманитарной науке не рассматривалась эмигрантская литература и культура в контексте общекультурных тенденций эпохи.

Знакомство с наследием русской эмиграции 1920–1930-х гг., недоступным для широкого читателя, активно проходило в неофициальной среде Ленинграда в хрущевское и брежневское время. В университетском сообществе подспудно распространялись и обсуждались тексты различных произведений в форме самиздата. Влияние русского зарубежья, где аккумулировались духовно-эстетические ценности Серебряного века и последующих десятилетий, на деятелей науки и культуры 1960–1980-х гг. в СССР еще ждет специальных исследований. Однако сейчас ясно, что в позднесоветский период, начиная с эпохи «оттепели», сложилась определенная когорта эмигрантских авторов, получивших популярность в творческой среде. Очевидно, что данный процесс не был стихийным, процесс возвращения наследия русской эмиграции в интеллектуальную среду 1950–1980-х гг. связан с именами различных подвижников, понимавших важность культурной интеграции. Ряд проблем в истории «культурного возвращенчества» остаются нераскрытыми. Как осмысливалось эмигрантское наследие в научном дискурсе позднесоветского и постсоветского времени? Какую роль в популяризации наследия играла медиасфера? Какие были механизмы реституции музеев, архивов, библиотек? Как складывались коммеморативные практики в отношении деятелей культуры и науки русского зарубежья? Как представляется, эти и другие еще ждет своего исследователя.

В рамках небольшой статьи нами приведены лишь отдельные примеры, но они показывают общую культурную тенденцию эпохи — интерес к русскому зарубежью, восстановление преемственности традиций и поиск культурной идентичности, открытие на Родине богатого наследия русской эмиграции в области философии, литературы и искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеносов В. В. Литература русского зарубежья (1918–1996). М.: Терра. Спорт, 1998. 540 с.
2. Азаров Ю. А. Диалог поверх барьеров. Литературная жизнь русского зарубежья: центры эмиграции, периодические издания, взаимосвязи (1918–1940). М.: Совпадение, 2005. 235 с.
3. Базанов П. Н. Русское зарубежье (1917–1940 гг.) на территории Ленинградской области: Особенности эмиграции и реэмиграции // Эмигранты и репатрианты XX века: Слепухинские чтения-2014: Труды Международной научной конференции / сост. П. Н. Базанов, Н. А. Слепухина. СПб.: Фонд Слепухина, 2015. С. 492–504.
4. Бегларян Г. А. Долгожданное триединство: официальная, подпольная и эмигрантская литературы в 1985–1991 гг. // Ветер Перестройки. 2021. № 1. С. 154–158.
5. Блюм А. В. Как это делалось в Ленинграде. Цензура в годы оттепели, застоя и перестройки. 1953–1991. СПб.: Академический проект, 2005. 296 с.
6. Бочарова З. С. Движение за возвращение на Родину в российской эмиграции (1920-е гг.): Дис... к. и. н. М., 1994. 206 с.
7. Броуде И. От Ходасевича до Набокова: Ностальгическая тема в поэзии первой русской эмиграции. Tenaflu: Hermitage Publishers, 1990. 160 с.
8. Буль В, Жэков Ф. Художники России за рубежом (фрагменты биографического словаря с краткой библиографией) // Часы. № 46. С. 243–296.
9. Вершик А. М. «Сумма» — за свободную мысль // Сумма. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2002. 719 с.
10. Волков С. М. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Изд-во Независимая Газета, 2000. 328 с.
11. Галиев Р. Ф. Интервью с Т. С. Буковской от 19.09.2024 // «Говорят физики и лирики...» [Электронный ресурс] URL: <https://oralhistory.spbu.ru/respondents/bukovskaa-tamara-simonovna/intervu-s-tamaraoj-simonovnoj-bukovskoj> (дата обращения: 01.02.2024).
12. Галиев Р. Ф., Сокурова О. Б. Д. Е. Максимов (1904–1987): портрет ученого и поэта на фоне эпохи // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2024. № 3. С. 18–33.
13. Горичева Т. М. Опасно говорить о Боге. М.: Экологическая палата, 2021. 132 с.
14. Козак В. Лексикон русской литературы XX века. М.: РИК «Культура», 1996. 491 с.
15. Левая Т. Н. Прокофьев-репатриант // Актуальные проблемы высшего музыкального образования. 2024. № 3. С. 37–42.
16. Мамаюсупова П. Б. Интервью с Т. Л. Никольской от 05.06.2024 // «Говорят физики и лирики...» [Электронный ресурс] URL: <https://oralhistory.spbu.ru/respondents/nikolskaa-tatana-lvovna/intervu-s-tatanoj-lvovnoj-nikolskoj> (дата обращения: 01.02.2024).
17. Мейлах М. Б. Филологические воспоминания // Лесная школа: Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Поселок Поляны (Уусикирко) Ленинградской области, 2010. С. 173–185.
18. Муромцева Л. П. Наследие русской эмиграции: возвращение на родину // Россия и современный мир. 2017. № 2. С. 177–193.
19. Набоков В. Наш господин Чичиков // 37. 1979. № 1 7. б/с.
20. Одна или две русских литературы? Междунар. симп., созв. Фак. словесности Женев. ун-та и Швейцар. акад. славистики, Женева, 13–14 апр. 1978. / отв. ред. Ж. Нива. Lausanne: L'Age d'homme, cop. 1981. 254 с.
21. ОР РНБ. Ф. 1136. Оп. 2. Д. 28. Plans of special courses and special seminars for students, rules of the seminar [1952–1974].

22. Пархоменко Т. А. Русская эмиграция и Советская Россия: два пути развития отечественной культуры // Вестник ВятГУ. 2008. № 2. С. 66–74.
23. Перцев В. А. Реэмиграция и репатриация в СССР в 1950–1960-е годы (на материалах Центрального Черноземья) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2010. № 1. С. 42–51.
24. Петров И. В. Феномен «возвращенчества» в СССР эмигрантов первой волны в 1920–1930-е гг.: историографический аспект проблемы // *Universum: общественные науки: электрон. научн. журн.* 2018. № 11–12. 6/с.
25. Проскурина Е. Н. Борис Волков. Возвращение забытого имени // Филологический класс. 2020. Т. 25. № 4. С. 60–69.
26. Самиздат Ленинграда. 1950–1980-е. Литературная энциклопедия / под общ. ред. Д. Северюхина; авт.-сост. В. Э. Долинин, Б. И. Иванов, Б. В. Останин, Д. Я. Северюхин. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 624 с.
27. Сухих И. Н. Русский литературный канон XX века: формирование и функции // Вестник РХГА. 2016. № 3. С. 329–336.
28. Труды и дни Михаила Красильникова: Дневники 1951–1956 годов / Сост. Д. С. Козлов. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2024. 296 с.
29. Харин С. Г. Церковная реэмиграция из Китая в 40-е годы XX века: к постановке вопроса // Историко-культурное наследие славянских народов Волго-Камского региона. 2017. № 3. С. 151–158.
30. Ходасевич В. Ф. Пушкин и поэты его времени. Том 2. Статьи, рецензии, заметки 1925–1934 гг. Oakland: Berkeley Slavic specialties, 2001. 597 с.
31. Художники русской эмиграции (1917–1941). Биографический словарь. Авторы Д. Я. Северюхин, О. Л. Лейкин. СПб: Издательство Чернышева, 1994. 587 с.
32. ЦГАЛИ СПб. Ф. 556. Оп. 2. Д. 408. Письма Андреева Ю. А., литературоведа, в Ленинградский обком КПСС об издании сборника из произведений членов «Клуба-81».
33. Эткин Д. Е. Записки незаговорщика. Лондон: OPI. 1977. 486 с.

REFERENCES

1. Agenosov, V. V. *Literatura russkogo zarubezh'ia (1918–1996)* [Literature of the Russian Diaspora (1918–1996)]. Moscow, Terra. Sport, 1998, 540 p. (in Russian).
2. Azarov, Iu. A. *Dialog poverkh bar'erov. Literaturnaia zhizn' russkogo zarubezh'ia: tsenry emigratsii, periodicheskie izdaniia, vzaimosvazi (1918–1940)* [Dialogue over Barriers. The Literary Life of the Russian Diaspora: Emigration Centers, Periodicals, and Relationships (1918–1940)]. Moscow, Sovpadenie, 2005, 235 p. (in Russian).
3. Bazanov, P. N. Russkoe zarubezh'e (1917–1940 gg.) na territorii Leningradskoi oblasti: Osobennosti emigratsii i reemigratsii. In: *Emigranty i repatrianty XX veka: Slepukhinskiie chteniia-2014: Trudy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii / sost. P. N. Bazanov, N. A. Slepukhina* [Russian Diaspora (1917–1940) in the Leningrad Region: Features of Emigration and Reemigration // Emigrants and Repatriates of the 20th Century: Slepukhin Readings 2014: Proceedings of the International Scientific Conference / Compiled by P. N. Bazanov and N. A. Slepukhina]. Saint Petersburg, Fond Slepukhina, 2015, pp. 492–504 (in Russian).
4. Beglarian, G. A. Dolgozhdannoe triedinstvo: ofitsial'naia, podpol'naia i emigrantskaia literatury v 1985–1991 gg. [The long-awaited trinity: official, underground, and emigrant literature in 1985–1991]. In: *Veter Perestroiki*, 2021, no. 1, pp. 154–158 (in Russian).

5. Blium, A. V. *Kak eto delalos' v Leningrade. TSenzura v gody ottepeli, zastoia i perestroiki. 1953–1991* [How it was done in Leningrad. Censorship during the Thaw, Stagnation, and Perestroika. 1953–1991]. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt, 2005, 296 p. (in Russian).
6. Bocharova, Z. S. *Dvizhenie za vozvrashchenie na Rodinu v rossiiskoi emigratsii (1920-e gg.): Dis... k. i. n.* [The Movement for Return to the Motherland in Russian Emigration (1920s): Dissertation. PhD in History] Moskow, 1994, 206 p. (in Russian).
7. Broude, I. *Ot KHodasevicha do Nabokova: Nostal'gicheskaia tema v poezii pervoi russkoi emigratsii* [From Khodasevich to Nabokov: The Nostalgic Theme in the Poetry of the First Russian Emigration]. Tenafly: Hermitage Publishers, 1990. 160 p. (in Russian).
8. Bul', V, Zhekov, F. *KHudozhniki Rossii za rubezhom (fragmentsy biograficheskogo slovaria s kratkoi bibliografiei)* [Russian Artists Abroad (Fragments of a Biographical Dictionary with a Short Bibliography)]. In: *Chasy*, no. 46, pp. 243–296 (in Russian).
9. Vershik, A. M. "Summa" — za svobodnuiu mysl' [Summa — for free thought]. In: *Summa*. Saint Petersburg, Izd-vo zhurnala "Zvezda", 2002, 719 p. (in Russian).
10. Volkov, S. M. *Dialogi s Iosifom Brodskim* [Dialogues with Joseph Brodsky]. Moskow, Izd-vo Nezavisimaia Gazeta, 2000, 328 p. (in Russian).
11. Galiev, R. F. *Interv'iu s T. S. Bukovskoi ot 19.09.2024* [Interview with T. S. Bukovskaya, 19.09.2024]. In: "Govoriat fiziki i liriki..." [Elektronnyi resurs] URL: <https://oralhistory.spbu.ru/respondents/bukovskaa-tamara-simonovna/intervu-s-tamaroj-simonovnoj-bukovskoj> (data obrashcheniia: 01.02.2024) (in Russian).
12. Galiev, R. F., Sokurova O. B. D. E. Maksimov (1904–1987): portret uchenogo i poeta na fone epokhi [D. E. Maksimov (1904–1987): A Portrait of a Scientist and Poet in the Context of His Era]. In: *Vestnik Syktyv'karskogo universiteta*, seriia gumanitarnykh nauk, 2024, no. 3, pp. 18–33 (in Russian).
13. Goricheva, T. M. *Opasno govorit' o Boge* [It is dangerous to talk about God]. Moskow, Ekologicheskaja palata, 2021, 132 p. (in Russian).
14. Kozak, V. *Leksikon russkoi literatury XX veka* [The lexicon of Russian literature of the XX century]. Moskow, RIK "Kul'tura", 1996, 491 p. (in Russian).
15. Levaia, T. N. Prokof'ev-repatriant [Prokofiev is a repatriate]. In: *Aktual'nye problemy vysshego muzykal'nogo obrazovaniia*, 2024, no. 3, pp. 37–42 (in Russian).
16. Mamaiusupova, P. B. Interv'iu s T. L. Nikol'skoi ot 05.06.2024 [Interview with T. L. Nikolskaya on 05.06.2024]. In: "Govoriat fiziki i liriki..." [Elektronnyi resurs] URL: <https://oralhistory.spbu.ru/respondents/nikolskaa-tatana-lvovna/intervu-s-tatanoj-lvovnoj-nikolskoj> (data obrashcheniia: 01.02.2024) (in Russian).
17. Meilakh, M. B. *Filologicheskie vospominaniia*. In: *Lesnaia shkola: Trudy VI Mezhdunarodnoi letnei shkoly na Karel'skom peresheike po russkoi literature* [Philological Memories. In: Lesnaya Shkola: Proceedings of the VI International Summer School on Russian Literature on the Karelian Isthmus]. Poselok Poliany (Uusikirko) Leningradskoi oblasti, 2010, pp. 173–185 (in Russian).
18. Muromtseva, L. P. *Nasledie russkoi emigratsii: vozvrashchenie na rodinu* [The Legacy of Russian Emigration: Return to the Motherland]. In: *Rossia i sovremennyi mir*, 2017, no. 2, pp. 177–193 (in Russian).
19. Nabokov, V. *Nash gospodin CHichikov* [Our Mr. Chichikov]. In: 37, 1979, no. 17, b/s. (in Russian).
20. *Odna ili dve russkikh literatury? Mezhdunar. simp., sozv. Fak. slovesnosti ZHenev. un-ta i SHveits. akad. slavistiki, ZHeneva, 13–14 apr. 1978. / otv. red. ZH. Niva* [One or Two Russian Literatures? Int. Symp., conv. Fac. of Philology of the Univ. of Geneva and the Swiss. Acad. of Slavistics, Geneva, 13–14 Apr. 1978. / ed. by J. Niva]. Lausanne: L'Age d'homme, cop. 1981, 254 p. (in Russian).

21. *OR RNB* [Department of Manuscripts of the Russian National Library]. F. 1136. Op. 2. D. 28. Планы специальных курсов и специальных семинаров для студентов, правила проведения семинара [1952–1974]
22. Parkhomenko, T. A. Russkaia emigratsiia i Sovetskaia Rossiia: dva puti razvitiia otechestvennoi kul'tury [Russian Emigration and Soviet Russia: Two Paths for the Development of Russian Culture]. In: *Vestnik ViatGU*, 2008, no. 2, pp. 66–74 (in Russian).
23. Pertsev, V. A. Reemigratsiia i repatriatsiia v SSSR v 1950–1960-e gody (na materialakh Tsentral'nogo Chernozem'ia) [Reemigration and Repatriation to the USSR in the 1950s and 1960s (Based on the Central Chernozem Region)]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia: Istoriia. Politologiya. Sotsiologiya, 2010, no. 1, pp. 42–51 (in Russian).
24. Petrov, I. V. Fenomen “vozvrashchenchestva” v SSSR emigrantov pervoi volny v 1920–1930-e gg.: istoriograficheskii aspekt problemy [The phenomenon of “vozvrashchenchestva” in the USSR emigrants pervoi volny in 1920–1930-e gg. istoriograficheskii aspect problems]. In: *Universum: obshchestvennye nauki: elektron. nauchn. zhurn*, 2018, no. 11–12, b/s. (in Russian).
25. Proskurina, E. N. Boris Volkov. Vozvrashchenie zabytogo imeni [Borise Volkov. Vozvrashchenie zabytogo imeni]. In: *Filologicheskii klass*, 2020, vol. 25, no. 4, pp. 60–69 (in Russian).
26. *Samizdat Leningrada. 1950–1980-e. Literaturnaia entsiklopediia / pod obshch. red. D. Severiukhina; avt.-sost. V. E. Dolinin, B. I. Ivanov, B. V. Ostanin, D. IA. Severiukhin* [Leningrad Samizdat. 1950–1980s. Literary Encyclopedia / edited by D. Severyukhin; compiled by V. E. Dolinin, B. I. Ivanov, B. V. Ostanin, and D. Ya. Severyukhin]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2003, 624 p. (in Russian).
27. Sukhikh, I. N. Russkii literaturnyi kanon KHKH veka: formirovanie i funktsii [The Russian Literary Canon of the 20th Century: Formation and Functions]. In: *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, 2016, no. 3, pp. 329–336 (in Russian).
28. *Trudy i dni Mikhaila Krasil'nikova: Dnevnik 1951–1956 godov / Sost. D. S. Kozlov* [The Works and Days of Mikhail Krasilnikov: Diaries of 1951–1956 / Compiled by D. S. Kozlov]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2024, 296 p. (in Russian).
29. Kharin, S. G. TSerkovnaia reemigratsiia iz Kitaia v 40-e gody KHKH veka: k postanovke voprosa [Church Reemigration from China in the 1940s: An Introduction to the Issue]. In: *Istoriko-kul'turnoe nasledie slavianskikh narodov Volgo-Kamskogo regiona*, 2017, no. 3, pp. 151–158 (in Russian).
30. Khodasevich, V. F. *Pushkin i poety ego vremeni. Tom 2. Stat'i, retsenzii, zametki 1925–1934 gg.* [Pushkin and the Poets of His Time. Volume 2. Articles, Reviews, and Notes from 1925 to 1934]. Oakland, Berkeley Slavic specialties, 2001, 597 p. (in Russian).
31. *KHudozhniki russkoi emigratsii (1917–1941). Biograficheskii slovar'. Avtory D. IA. Severiukhin, O. L. Leikind* [Artists of the Russian emigration (1917–1941). Biographical dictionary. Authors D. Ya. Severyukhin, O. L. Lakind]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo CHernysheva, 1994, 587 p. (in Russian).
32. *TSGALI SPb*. F. 556. Op. 2. D. 408. Pis'ma Andreeva Yu. A., literaturoveda, v Leningradskij obkom KPSS ob izdanii sbornika iz proizvedenij chlenov «Kluba-81» [Letters from Andreev Yu.A., a literary critic, to the Leningrad Regional Committee of the CPSU about the publication of a collection of works by members of the “Club-81”] (in Russian).
33. Etkind, E. G. *Zapiski nezagovorshchika* [Notes of a non-conspirator]. London: OPI, 1977, 486 p. (in Russian).